

A movie poster for the film 'After' (После). The background is a painting of a rustic log cabin with a corrugated metal roof, situated in a forest. A river flows in the foreground, and a large, snow-capped mountain rises in the background under a dramatic, orange and yellow sky. The title 'После' is written in large white letters at the bottom. The Russian title 'Рысь Лунная' is at the top. A rating box is in the bottom left, and an '18+' rating is in the bottom right.

Рысь Лунная

После

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рысь Лунная

После

«Автор»

2026

Лунная Р.

После / Р. Лунная — «Автор», 2026

Конец света случился. Просто никто не успел умереть красиво. Сибирская глушь, база на краю тайги, четверо случайных людей — и болид, превративший ночь в день за считанные секунды. Дальше не апокалипсис. Дальше — солёное мясо, отравленная река, периметр из колючей проволоки и люди, которые друг другу не нужны, но деваться некуда. Здесь не выживают. Здесь умирают по очереди: от ножа, от клыков, от собственного молчания. Последняя — от пневмонии, в декабрьский бред, почти с облегчением. Весной на крыльцо пустой базы выходит рысь с котятками. Жизнь возвращается. Людей больше нет.

© Лунная Р., 2026

© Автор, 2026

Рысь Лунная

После

ПОСЛЕ

(повесть)

Тем, кто выбрал помнить,

Когда было проще забыть.

Здесь нет спасения.

Только чистая, холодная правда тех,

Кто остался после.

Пролог.

Двадцатое декабря, две тысячи двенадцатого года. Восемь часов вечера.

Снег падал крупными хлопьями — неторопливо, будто у него была вечность. Оседал на ветках вековых кедров, на крышах домиков, на узкой грунтовой дороге, ведущей к базе отдыха «У Значимой». Лес молчал — той глубокой, древней тишиной, какая бывает лишь в сибирской глуши, где до ближайшего крупного города тысячи километров, а до ближайшего человека — ещё дальше.

База стояла на границе тайги и подтаёжной зоны, у подножия Чудогор — величественной горной системы, что поднималась за лесом белой стеной. В трехстах метрах — река Значимая. Пять небольших домиков — каждый на одного-двоих человек — стояли полукругом у опушки. Окна светились уютно, по-домашнему. В центре возвышался двухэтажный коттедж администрации: первый этаж — кухня, общая комната с камином, кладовая; второй — жилые комнаты. Из трубы шёл дым — ровный белый столб, растворяющийся где-то над кронами кедров. Пахло дровами, снегом. И ещё чем-то неуловимым — зимним покоем. Предновогодним ожиданием. Тем самым, когда кажется, что вот-вот что-то изменится. Но пока ничего не менялось. Пока был только снег, свет в окнах и безмолвие леса.

Коттедж администрации. 20:15.

На кухне пахло кофе и чем-то домашним — пирогами, корицей. Мстислава стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Пшеничные волосы собраны в хвост, свитер простой, движения размеренные. Она готовила ужин для гостей — трое уже должны были приехать с минуты на минуту, четвёртый задерживался.

Саша. Мстислава вытерла руки и набрала номер, прислушиваясь к гудкам.

— Мстиша, — раздался голос в трубке. Родной, тёплый, торопливый. — Слушай, форс-мажор, мелкая. Буду позже, не жди к ужину.

— Что случилось?

— Да ерунда, — брат нервно засмеялся. — Машина сдохла на трассе. Разбираюсь. Всё нормуль, мои пацаны уже выехали на подмогу. Целую, мелкая, люблю тебя. Скоро обнимемся.

Мстислава снова посмотрела в окно. Снег продолжал падать. Тихо. Мирно.

Дверь из подсобки открылась, впустив запах Дарьи. Она остановилась у порога кухни, на ходу застёгивая куртку, которая была ей явно велика в плечах, отчего её фигура казалась угловатой, почти подростковой. Тряхнула головой, и тяжёлая копна тёмных волос рассыпалась по плечам.

— Мстиша, я пошла. Все проверила: в четвёртом домике пыль протёрла, во втором — бельё заменила, — она говорила негромко, певуче, как человек, на котором держится весь невидимый быт.

Она замялась на секунду, коснувшись пальцами дверного косяка. Её взгляд невольно метнулся в сторону окна, туда, где на крыльце курил Дмитрий. В этом секундном движении глаз было больше боли и выдержки, чем в любом признании. Всего мгновение: задержка дыхания, едва заметное напряжение в плечах. Потом — снова ровность.

— Беги уже, Даш. До остановки час ходу. Автобус ждать не будет, — заботливо заметила Мстислава.

Дарья кивнула, натянула шапку почти до бровей, скрывая черты лица, которые могли бы сделать её королевой любого вечера. Она вышла, оставив после себя лишь запах дешёвого мыла и ощущение надёжности, которое замечают только тогда, когда оно исчезает.

Дорога к базе. 20:20.

Артём вёл машину медленно — не из осторожности, а потому, что грунтовка превратилась в стиральную доску. Каждая колдобина отзывалась в позвоночнике, и он уже пожалел, что не взял внедорожник покойного отца тайком от матери. А мать бы спросила: «Куда? С кем? Зачем?». Оправдываться не хотелось.

Фары выхватывали из темноты стволы елей, снег, иногда — чьи-то следы. Артём включил радио, покрутил колесико — треск, помехи — выключил. Ладно. Тишина так тишина.

Он ехал уже больше часа. Выехал из Чудогорска в семь вечера, сразу после того, как запахнул в рюкзак все самое нужное: свитер, носки, блокнот, ноутбук (на всякий случай), бутылку водки (не на всякий, а точно). Письмо об увольнении он оставил на столе — лицом вниз, чтобы не видеть печать ДГиА. Три года отработал техником-конструктором. Три года

разрабатывал планы, согласовывал, правил ошибки других и вот — «спасибо за труд, до свидания». Ну и ладно, честно говоря.

Он не злился. Просто... завис. Как комп, когда открыто слишком много вкладок. Мозг тормозил, мысли путались, и хотелось нажать кнопку «перезагрузка». Вот он и нажал — купил путёвку на базу отдыха, в лес, в глушь, к чёрту на рога.

Конец света. Отличный повод. Артём усмехнулся. Календарь мая, апокалипсис, вся эта истерия в интернете — полная чушь, конечно. Но красивая. Романтичная даже. Встретить полночь в лесу, с бутылкой, и представить, что мир действительно кончается. А потом проснуться утром и начать заново. Или не начать. Посмотрим.

Молодость, впрочем, брала своё. Пока он ехал, в голове уже крутились строчки — не для издания, не для работы, для себя:

Снег на ветках сосен. Тишина.

Мая обещали — будет тишина.

Только вот какая? Та, что до конца?

Или та, с которой можно начинать?

Он фыркнул. Хреновый слог. Хреновая рифма. Но ладно, подкрутим.

Фары выхватили поворот, и Артём притормозил. Впереди — деревянный указатель, припорошенный снегом: «База отдыха «У Значимой». 500 м».

— Ну вот, — сказал он вслух. — Приехал. Здравствуй, конец света.

База. 20:30.

Артём припарковался у одного из домиков — второго, если считать слева — и заглушил двигатель. Тишина навалилась сразу, плотная, почти осязаемая. Он посидел ещё минуту, глядя на огоньки в окнах коттеджа. Уютно. Тихо. Хорошо.

Ладно. Пошел знакомиться с цивилизацией. Вылез из машины — и холод врезал по лицу пощёчиной. Артём поёжился, нырнул обратно за рюкзаком. Обернулся — и замер.

Рядом парковался автомобиль такси — жёлтая «десятка» с ржавыми порогами. Из него выбрался мужчина — высокий, широкоплечий, в кожаной куртке, с сумкой на плече. Расплатился с водителем, обернулся. Их взгляды встретились. Мужик усмехнулся — самоуверенно, будто уже всё про Артёма понял.

— Тоже на конец света?

—Тип того, — кивнул Артём.

— Лев.

— Артём.

Рукопожатие крепкое. Артём почувствовал, как ладонь сдавило, и поспешно отпустил. Лев ухмыльнулся:

— Холодно тут, мать его. Пошли внутрь, что ли?

— Да, давай.

Артём двинулся к коттеджу, Лев — рядом. Шли молча. Артём чувствовал на себе взгляд — оценивающий, изучающий. Неловко. Хотелось что-то сказать, но не знал что. Обычно в компании он легко болтал, шутил, но один на один с незнакомцем... ступор.

Дверь коттеджа распахнулась, и на крыльцо вышел ещё один мужчина — в рабочих джинсах, фланелевой рубашке. Лицо спокойное, но взгляд тяжёлый.

— Добрый вечер, — сказал он ровно. — Лев? Артём?

— Да,— кивнул Артём.

— Дмитрий. Работаю здесь. Проходите, хозяйка ждет.

Артём шагнул на крыльцо, потом внутрь — и его окутало тепло. Запахло дровами, кофе, пирогами. Прихожая небольшая, деревянные стены, вешалки. Уютно.

— Вещи оставьте пока здесь, — сказал Дмитрий. — Потом покажу домики.

Артём поставил рюкзак у стены. Лев бросил сумку рядом, огляделся:

— А где хозяйка?

— На кухне.

Лев кивнул и направился к дивану. Артём посмотрел ему вслед, потом на Дмитрия:

— Я прогуляюсь пока. Воздухом подышу.

Дмитрий кивнул: — Не уходите далеко. Ужин через полчаса.

— Хорошо.

Артём вышел на крыльцо. Холод снова обжег лицо, но он не поморщился — наоборот, вдохнул полной грудью. Свежо. Чисто. Хорошо.

Он спустился с крыльца и пошел к лесу. Напиться успею. Сначала — красоту посмотрю.

Коттедж. 20:45.

Лев стоял на крыльце своего домика — четвертого по счету — курил и смотрел, как снег валит крупными хлопьями, глуша все вокруг. База маленькая: пять аккуратных домиков для гостей, разбросанных полукругом, в центре — двухэтажный административный коттедж, где живут работники базы — Дмитрий и Дарья. Чуть подальше притулились хозяйственные постройки, ещё дальше — небольшая котельная. До реки Значимой метров триста через лес, дальше — Чудогоры поднимаются стеной. Тихо, красиво, п****ц как романтично. Идеальное место, чтобы встретить конец света с бабой, которая будет стонать ему в ухо, пока майя всех имеют.

Телефон поймал слабую сеть и завибрировал. Ленка.

— Лёванька, не сердись, — начала она сразу, без приветствия. — Не выйдет. Мама с папой неожиданно нагрянули, семейные посиделки...

В фоне — звон стекла, мужской мат. Лев усмехнулся.

— Конечно, детка. Целуй маму в ж****, — сказал он ласково и сбросил. Выключил телефон и сунул в карман. Стояк, который он мысленно распаковывал для этой ночи, сдулся мгновенно, как проколотый шарик. Злость ударила в голову горячей волной.

Опять. Опять он повёлся, как последний лох. Лев сплюнул в снег, затушил окурок о перила так, что аж металл зашипел. Искры разлетелись в темноту. Снег хрустел под ботинками злобно, будто сам злился за него. Он шел к центральному коттеджу быстро, плечи напряжены, кулаки сжаты. Внутри — жар камина, запах дров, кофе и того самого женского парфюма. Дорогого. Едва уловимого.

Лев стряхнул снег с куртки, захлопнул дверь сильнее, чем нужно. Облом? Плевать. Вариант получше уже здесь. И, судя по звукам, не спит. А Лена пусть захлебнется своим семейным шампанским.

Лёванька, б**ть.

Она не подняла голову сразу. Дописала строчку, закрыла амбарную книгу, только потом посмотрела. Карие глаза — спокойные, как река подо льдом. Ни улыбки, ни приветствия. Просто взгляд. Прямой. Долгий.

Лев подошел ближе, облокотился о стойку. Улыбнулся той самой улыбкой, от которой обычно трусы стыдливо сползают сами.

— Добрый вечер, хозяйка. Лев, домик четыре. Приехал конец света встречать...

— Кофе?, — перебила она ровно. Ни прищур, ни улыбки. Просто смотрит. Будто он мебель.

— Кофе можно. А можно и поговорить. Сегодня же особый день. Майя, апокалипсис, всё такое. Вы одна его встречаете?

Она повернулась к кофемашине, нажала кнопку. Кофе зашипел. Лев ждал хоть чего-то — взгляда, движения ресниц, вздоха. Ничего. Глухая стена. Он наклонился ближе, понизил голос.

— Слушайте, Мстислава... Красивое имя, кстати. Я не просто так приехал. Хотел расслабиться, выпить в интеллигентной компании, смотреть в очаровательные глаза собеседницы, пока мир рушится. А вы тут одна, красивая, в глуши. Грех это.

Она поставила кружку перед ним.

— Ваш кофе, Лев.

Ни злости, ни интереса. Ноль. Лев даже не мог понять, слышит ли она вообще, что он говорит, или просто исполняет ритуал гостеприимства. Это его выбило. Обычно он считывал баб как открытую книгу — микровыражения, зрачки, дыхание. А тут — пустота. Он взял чашку, сделал глоток. Горячо, крепко.

— А ночью? Когда гости разойдутся по домикам бояться астероида? Тоже дела?

Вот тут дверь из внутренних помещений открылась. Дмитрий. Вышел бесшумно. Остановился в пяти шагах за её спиной. Руки в карманах, плечи расправлены. Зелёные глаза изучают его, Льва. Взгляд холодный, тяжёлый. Лев повернулся к нему медленно. Улыбка осталась, но стала другой.

— О, подкрепление пришло. Или так, воздух нюхаешь? — сказал он негромко.

Дмитрий не ответил. Не моргнул. Просто стоял и смотрел. Дистанция идеальная — бросок, и он уже у горла. Лев это почувствовал сразу. Воздух в комнате стал густым, как перед грозой. Ни слова, ни движения. Только взгляды: Льва — с вызовом, Дмитрия — с предупреждением.

Мстислава повернулась. Посмотрела сначала на Дмитрия, потом — на Льва. Вдохнула коротко, почти незаметно.

— Дима. Дрова в каминную. Сейчас, — сказала спокойно, но в голосе металл.

Он задержал взгляд на Льве ещё секунду. Потом кивнул ей — едва заметно — и вышел через боковую дверь. Лев выдохнул сквозь зубы и посмотрел на Мстиславу.

— Серьёзный парень. Даже молчит доходчиво.

Она развернулась к нему:

— Думать забудь.

Потом повернулась и пошла вверх по лестнице. Ни бёдрами не качнула специально, ни взгляда не обронила. Лев остался стоять с пустой чашкой и с ощущением, что только что врезался лбом в стену.

Б**ть. Интересный экземпляр.

Лес. 21:00.

Артём шел между сосен, утопая в снегу по щиколотку. Пахло смолой и холодом. Тихо. Он остановился у большой сосны, прислонился к стволу. Достал из кармана куртки фляжку — маленькую, плоскую. Отвинтил крышку. Сделал глоток. Водка обожгла горло. Тепло разлилось по пищеводу до желудка. Вот так. Лучше.

Он закрыл глаза, прислушался. Безмолвие. Лес дышал — медленно, ровно, будто спал. Завтра ничего не изменится. Послезавтра тоже. И через месяц. Я так и буду стоять у этой сосны, с пустой флягой и пустой головой. Он сделал ещё глоток. Конец света. Хорошая штука. Артём вздохнул, убрал фляжку в карман и двинулся обратно к базе.

Коттедж. 21:30.

Все четверо сидели за длинным столом в общей комнате. Камин потрескивал. На столе дымился ужин — суп, пироги, чай. Мстислава сидела во главе стола. Дмитрий ближе к камину, подбрасывал дрова. Лев развалился на стуле, улыбался, но взгляд был настороженным. Артём сидел с краю, держал кружку с чаем обеими руками.

— Ну что, — сказал Лев, откидываясь на спинку стула. — До конца света три часа. Кто как собирается его встречать?

Мстислава подняла взгляд:

— С надеждой, что он не наступит.

Дмитрий ничего не сказал. Просто бросил полено в огонь. Артём допил чай и поставил кружку на стол.

— Я пойду, пожалуй. Спасибо за ужин.

— Располагайтесь, — кивнула Мстислава.

Артём встал, кивнул всем и вышел. Снег продолжал падать. Тихо. Мирно. Меньше, чем через два с половиной часа мир перестанет быть мирным. Но пока об этом не знал никто.

Глава 1. Точка зеро.

21 декабря 2012 года. 00:00.

Полночь не прозвенела. Она просто случилась. За миг до конца старого мира лес замер так, будто звук выдернули из реальности. Смолк скрип снега под лапами убегающей куницы. Пламя в камине коттеджа съёжилось, став почти неслышным. Воздух стал густым, давящим на барабанные перепонки.

Дмитрий, стоявший на крыльце, почувствовал это кожей. Не страх. Скачок давления. Как в самолете при резком снижении. Он бросил бычок. Время спрессовалось.

И тогда над Чудогорами распустился цветок. Сначала — точка. Ярче Венеры. Потом — вытянутый изумрудно-фиолетовый след, рвущий небо. Болид. Он не падал — стремился с чудовищной скоростью накрывая город. И ревел. Низкочастотным воем, от которого заныли зубы и задрожали стекла. Угол малый. Скорость космическая. Это не упадет. Это...

— ВСЕ НА ПОЛ! — его рёв, отработанный до рефлекса, перекрыл вой. Но было уже поздно.

ВЗРЫВ.

Не в городе. Над ним. Сначала — ослепляющая вспышка. Не как молния. Как если бы на миг зажгли второе, сине-белое солнце. Наступил абсолютный, бестеневой день. Свет не освещал. Он обнажал.

Звук пришел следом. Не грохот. Хлопок. Один, чудовищной силы, вышибающий воздух из легких. Потом — рёв. Рвущейся атмосферы, ломающейся породы, кричащего воздуха.

И за ним — волна. Дмитрий видел её по лесу — ударный фронт, сминающий деревья в щепки.

Он уже не стоял. Он уже падал, вжимая Мстиславу в пол за секунду до того, как окна выгнулись внутрь и взорвались ливнем осколков. Крыша над верандой сложилась с сухим треском. Где-то рядом упал и разбился телевизор. Из розетки брызнули и погасли искры — электромагнитный импульс добил то, что не сломал удар.

Лев среагировать не успел — его швырнуло через всю гостиную. Он ударился о каминную полку, и хруст плеча потонул в грохоте. Стекланный витринный шкаф рухнул на него, осыпав осколками.

Дмитрий не видел его. Он лежал на Мстиславе, прикрывая голову руками. Осколки впились в спину. Мир состоял из гула, вибрации и запаха озона — сладковатого, электрического, как после грозы.

Домик № 2.

Артёма выбросило с кровати. Он упал на пол, и его тут же накрыло теплом. Не от пожара. От воздуха. Горячего, сухого, как из духовки. Снег за окном не таял — он испарялся, оставляя чёрные проплешины земли. Стекла в рамах звенели, выгибались и вылетали. В ушах стоял непрерывный звон.

00:20.

Сознание возвращалось обрывками. Сначала — звон. Непрерывный, высокий, как писк вышедшего из строя датчика. В нем тонуло все. Потом — боль. В висках, в спине. Тупая, давящая. Потом — запах. Озон, пыль и что-то новое, сладковато-тошнотворное — сера.

Дмитрий открыл глаза. Пластиковый щиток светильника над барной стойкой раскачивался, отбрасывая пляшущие тени. Мир плыл. Дезориентация. Он лежал на полу в центре гостиной, прикрывая собой Мстиславу. Последнее чёткое воспоминание — шаг с крыльца назад, в проём двери, в тот миг, когда небо над городом разорвалось вспышкой. И бросок — не в укрытие, к ней. Тело сработало быстрее мысли.

Мстислава под ним пошевелилась. Дыхание частое, поверхностное — шок. Он осторожно приподнялся, освобождая ей грудь.

— Живы... — сказал он. Голос прозвучал глухо, будто из-под воды. Уши плохо ощущали звуки.

— Дыши. Медленно.

Он отполз, оперся о диван и поднялся. Голова кружилась, но тошноты не было. Ушиб. Возможно, легкое сотрясение. Не более. Несколько глубоких вдохов — принудительно, по счету. Вестибулярка подчинилась.

В углу захрипел Лев, сжимая окровавленную щеку.

А Мстислава смотрела мимо Льва. Мимо Дмитрия.

Туда, где в фиолетовом небе умирал мир, в котором у неё был брат.

Глава 2. Лёд, вода и соль.

Боль пришла с рассветом — тупая, глухая, разлитая по мышцам. Дмитрий слушал тишину. Настоящую. Только низкий, изнуряющий гуд со стороны Чудогорска. Земля там охала.

Он вышел. Воздух был влажным и прохладным. Снег лежал островками. Земля под ним — тёплая, почти парная. У стены сруба сочилась вода, от неё тянулся слабый запах тухлых яиц. Сероводород. Разлом.

На берегу реки стоял Артём. Значимая несла мутную, серо-бурую жижу с неопознанными обломками и мусором. Артём зачерпнул горсть, посмотрел и швырнул обратно.

— Мать там, — сказал он тихо, указывая на север.

— Не факт, — отрезал Дмитрий. — Река — отрава. Пить нельзя. Забудь про неё.

Артём кивнул. Глаза пустые.

В одном из двух уцелевших домиков Лев уже сидел за столом. Взгляд сосредоточенный, злой.

— План, полководец? Или воздух на завтрак?

— План есть, — Дмитрий сел напротив. — Из шести домов уцелело два. Расселяемся по двое — в каждый. Две угрозы: вода и еда. Река отравлена. Ищем другой источник. Мстислава знает.

— О, нам предстоит прогулка.

— Вторая угроза — ледник. За баней. Каменный погреб. Там запасы. Земля теплеет. Он оттаивает. Всё может сгнить. Быстро.

Дверь открылась, вошла Мстислава. В старом пуховике.

— На Безымянное нужно сегодня. И соль нужна. Много соли.

Она была в режиме. Единственный способ не думать о брате — делать дело.

— Разделимся, — сказал Дмитрий. — Мы с Мстиславой едем на УАЗе к озеру. Проверим дорогу, если повезёт — привезем воду. Вы с Артёмом — в ледник. Вскрываете, оцениваете, выносите скоропортящееся. Копать. Грунт оттаявший.

Лев усмехнулся.

— Нам — в шахты. Вам — на пикник. Честно.

— Ты хочешь жрать? — Дмитрий глянул ему в глаза. — Или хочешь справедливости? Выбери одно.

Лев не ответил. Выбрал уже.

Гараж

УАЗ, ржавая «буханка», стоял в полутьме. Дмитрий открыл капот. Карбюратор. Шанс есть.

— С толкача. Мстислава, за руль. Лев, Артём, со мной.

С третьей попытки двигатель ожил. Рёв в гараже был оглушительным. Первая победа.

Лев, вытирая пот, увидел в углу бензопилу «Дружба». Поднял, дёрнул стартер. Сухой лязг.

— Чёрт...

Дмитрий взял пилу, открутил крышку бака. На стенках — густая, тёмная слизь.

— Смесь отстоялась. Эта грязь убьёт двигатель. Свежую искать отдельно. — Он поставил пилу на верстак. — Значит, пока — груды железа.

Лев молча кивнул. Отчаяние было не в словах, а в том, как он отвернулся от пилы.

Ледник

Вход в ледник был засыпан. Тоннель в склоне завален грунтом. Мокрая, тяжёлая каша. Лев, стиснув зубы от боли в плече, вонзил лом. Артём молча отбрасывал землю лопатой.

Работа шла медленно. Лом вяз, глина липла к рукам и лопате. Лев, уже без намёка на усмешку, только хрипел, упираясь в лом всем телом. Пот смешивался с грязью на его лице. Артём копал механически — лопата, ком, яма. Здесь не было реки с матерью. Здесь была только тяжесть, которая выжигала мысли.

Когда наконец добрались до массивной двери руки тряслись от усталости. Площадка перед входом была ещё завалена. Расчищали долго. Молча.

Лев упёр лом в скобу замка, рванул на себя. Скоба с хрустом вырвалась из древесины. Замок отлетел. Дверь отворилась, выпустив струю холодного воздуха. Запах — дым, сушёные травы, вяленое мясо.

Луч фонарика выхватил работу за последние полгода. На жердях — связки вялятины. На полках — копчёное сало. И в корыте — два свежих окорока и тушки птицы в соли. Соль была влажной, мясо — холодным, но уже не каменным.

Лев провёл рукой по связке, стряхнул иней.

— Этого... на месяцы, — пробормотал он без злости. Потом кивнул на корыто. — А вот это — наша задача. Неделя, не больше.

Озеро

Шум двигателя заглушал всё. Озеро уже показалось меж деревьев, когда дорога оказалась перегорожена. Бурелом.

Дмитрий заглушил мотор. Тишина.

— Здесь и упрёмся, — сказал он. — Расчистка — на днях.

Пешком, с канистрами, они дошли до озера. Дорога петляла через бурелом и дымящиеся трещины. Шли медленно, молча. Вода в озере была прозрачной. Без льда. Мстислава попробовала, кивнула: «Можно». Они набирали воду в канистры, возвращаясь снова и снова, пока не наполнили все имеющиеся. Обратный путь с грузом был тяжелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.